

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В О Е Н Н Ы Й
ВЕСТНИК № 2

**МОБИЛИЗАЦИОННАЯ
ПОДГОТОВКА И
КРИЗИС РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКИ**

Москва

Июнь 1998 г.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В О Е Н Н Ы Й
ВЕСТНИК № 2

**МОБИЛИЗАЦИОННАЯ
ПОДГОТОВКА
И КРИЗИС РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКИ**

Москва
Июнь 1998

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА И КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Выступая перед студентами университета имени Д.И.Менделеева в октябре 1994 г., Егор Гайдар привел две цифры, иллюстрирующие уникальный, по его мнению, характер российских экономических реформ: падение промышленного производства на 50% в течение трех последних лет при одновременном увеличении числа зарегистрированных в Москве автомобилей на 50%. Первое, по мнению Е.Гайдара, случается, хотя и чрезвычайно редко. Второе тоже случается, однако примеры того, чтобы и то и другое происходило одновременно, Гайдару не известны.

С тех пор прошло почти четыре года. Дорогих иномарок на улицах Москвы стало еще больше, а производство и далее продолжало сокращаться.

Уникальность происходящего в российской экономике стала еще более заметной.

Действительно, как, например российские цены на продовольствие, бензин и т.д. могут быть выше европейских или американских, если средняя зарплата по стране чуть выше ста долларов?

Почему российские власти и предприниматели из года в год сознательно сокращают внутренний рынок, не оплачивая исполненные заказы и не выплачивая зарплаты? Истории мировой рыночной экономики такие примеры неведомы.

Каким образом в бывшей социалистической стране с её принципами уравниловки стало возможным появление в течение двух-трех лет многочисленных частных состояний, исчисляемых миллионами и даже миллиардами долларов?

За счет чего Россия финансирует весь мир, нелегально вывезя за границу несколько сот миллиардов долларов?

Как удалось менее чем за год наполнить прилавки в стране сплошных дефицитов?

Официально произошедшие в российской экономике разительные перемены объясняются, как это следует из послания президента Б.Ельцина Федеральному Собранию в 1996 г., "высвобождением внутренней энергии рынка".

Более конкретное толкование необычному реагированию экономики на происходящие в ней перемены дает Е.Гайдар. В упомянутом выше выступлении перед студентами Менделеевского университета он обосновал и падение производства на 50%, и рост числа московских автомобилей на 50% одной и той же причиной – благотворными последствиями радикальных сокращений военных расходов, которые он начал проводить сразу после прихода в правительство в конце 1991 г.

Действительно, с тех пор реальный военный бюджет сократился во много раз, до смехотворного уровня в 7-10 млрд. долларов в год, т.е. около 1,5% ВВП. Резко упало и военное производство (по данным министра экономики Я.Уринсона – в 6 раз в 1992-96 гг.). И все это произошло, вопреки всеобщим опасениям, без какого-либо серьезного сопротивления со стороны некогда всемогущего ВПК.

На этом фоне последний финансовый кризис и массовые протесты шахтеров выглядят просто очередным трудным, но вполне преодолимым эпизодическим препятствием на поступательном пути России к рынку.

Все смотрится однако в совершенно ином, гораздо более зловещем свете, если взглянуть на минувшие семь лет монетаристских реформ и огромные сокращения военных расходов с точки зрения их воздействия на унаследованную Россией от СССР структурную милитаризованность экономики, о которой шла речь в "Военном вестнике" № 1. Выясняется, что ситуация, в которой оказалась экономика России (рост числа автомобилей и миллионеров при падающем производстве, растущее изобилие прилавков при нищающем населении и т.д.), столь же уникальна,

как уникально принятие снотворного одновременно со слабительным по рецепту М.М.Жванецкого.

Вопреки утверждению Е.Гайдара насыщение российского рынка товарами и, в частности, бурная автомобилизация страны произошли вовсе не за счет сокращения военных расходов. Правда, оказавшись у власти, Гайдар действительно сразу же резко срезал военный бюджет. В 1992 г. ассигнования на закупки вооружения были сокращены на 67%, с 29,6 млрд. рублей в 1991 г. до 11,2 млрд. рублей в 1992 г. (в ценах 1991 г.).

Тем не менее к сколько-нибудь заметному высвобождению материальных ресурсов эта мера не привела, ибо, сокращая одной рукой военные закупки, он другой рукой одновременно толкал военных промышленников к резкому увеличению экспорта оружия. Так, 17 марта 1992 г. он подписал государственный заказ на производство на экспорт оружия и военной техники на сумму 5,4 млрд. долларов, т.е. почти в четыре раза больше, чем было экспортировано Советским Союзом в 1991 г. (1,55 млрд. долларов). Всего же в 1992 г. Гайдар санкционировал выполнение экспортных заказов на поставки оружия на сумму 37,1 млрд. рублей, т.е. в три с лишним раза больше, чем заказ Минобороны в том же году (11,2 млрд. руб.).

Однако большинство экспортных заказов оказались "липой" и в действительности российской "оборонке" удалось продать за границу в 1992 г. оружия всего на 1,1 млрд. долларов.

В результате остались непроданными из числа произведенных на экспорт в 1992 г. около 400 танков, 200 САУ, 12 систем ПВО "Тунгуска", 16 тысяч ракет различных типов и много другой военной техники.

Этот неудачный опыт не отучил ВПК от охоты за экспортными контрактами. Да и как можно было не охотиться за ними, когда сам президент Ельцин во время посещения военных заводов обещал оставлять "оборонщикам" 80% выручки от каждого экспортного заказа.

К тому же правительство после обвального сокращения закупок в 1992 г. обещало не только прекратить резать дальше обо-

ронный заказ, но даже и увеличивать его по мере улучшения экономической ситуации в стране.

Не удивительно, что в 1992-94 гг. многие предприятия по производству "традиционного" вооружения (танки, артиллерийские системы, самолеты, вертолеты и т.п.) продолжали выпускать главным образом продукцию прямого назначения и предпочитали больше говорить о конверсии, чем всерьез заниматься ею. Этому способствовали и довольно щедрые в первые годы бюджетные ассигнования на конверсию (42 млрд. рублей в 1992 г.), которые шли в основном на зарплату персонала, занятого в военном производстве.

Отрезвление пришло к этим военным промышленникам лишь в 1995 г., когда министр обороны П.Грачев, пользуясь неутвержденностью бюджета, спустил "оборонке" заказ на 28 трлн. рублей. Министр рассчитывал "продавить" эти деньги в бюджет, но переоценил свои силы, в результате утвержденные ассигнования оказались в четыре раза меньше щедрого заказа Грачева и большинство "оборонщиков" поняло, что им лучше не связываться с Минобороны. Но к этому времени почти все имевшиеся на оборонных предприятиях запасы материалов и комплектующих изделий (за исключением тех предприятий, директора которых сообразили, что могут с выгодой для себя продать их на сторону, не связываясь с Минобороны) были израсходованы на выпуск никому не нужной военной техники, правительственные ассигнования на конверсию превратились в тонкий ручеек и уровень заработной платы на оборонных производствах стал намного ниже, чем в гражданской промышленности.

Конечно, после 1995 г. потребление оборонной промышленностью материальных ресурсов заметно сократилось, даже несмотря на начавшийся в это время рост экспорта оружия, достигшего 3-4 миллиардов долларов в год. Да и в целом уровень военного производства в 1992-95 гг. был все же много ниже, чем в советские годы.

И тем не менее, свертывание военного производства никак не могло стать источником того бурного "первоначального накопления", которое буквально преобразило страну за какие-то несколько лет.

Совершенно очевидно, что даже полное прекращение военного производства никак не могло бы стать источником тех сотен миллиардов долларов, которые вдруг стали циркулировать в российской экономике (правда, в обход государственного бюджета и налоговой системы). Ведь даже на пике гонки вооружений в конце 80-х годов ВПК расходовал, по официальным данным, не более 20% потребляемой в промышленности стали, 9,3% стального проката, 23,6% алюминия и менее 3% лесоматериалов.

Откуда же взялись переполненные импортной продукцией прилавки, многочисленные "мерседесы" и все эти пресловутые "олигархи" и "новые русские"?

Найти внятный ответ на этот вопрос практически невозможно, хотя сейчас Россия имеет на душу населения, по-видимому, больше макроэкономистов-теоретиков, чем любая страна мира, а чудовищный поток рыночного "просветительства" буквально захлестывает СМИ, напоминая времена, когда советское население почти поголовно училось делать "экономику экономной". Большинство названных экономистов ограничиваются невнятными ссылками на влияние либеральных реформ и упоминающуюся выше "высвобожденную внутреннюю энергию рынка".

Всё, однако, становится на место, если вспомнить, что СССР был не просто наиболее милитаризованной страной в мире, но и действительно на протяжении почти полувека на полном серьёзе готовился не просто к мировой войне, а к войне длительной, в том числе и с возможным применением одного только обычного оружия. А такая война, как показал опыт 1941-45 гг., требует гигантских материальных ресурсов, прежде всего мобилизационных запасов, а также создания адекватных потребностям войны мобилизационных мощностей в промышленности.

Так как эта тема до сих пор остается "табу" в рассуждениях российских экономистов и даже не упоминается на страницах СМИ, придется проиллюстрировать то значение, которое придавалось созданию мобилизационных запасов в системе военных приготовлений СССР, на примере полувековой давности.

Вот отрывок из воспоминаний Е.П.Славского, возглавлявшего более двух десятилетий советскую атомную промышленность.

"1941 год... Буквально за неделю до войны я был утвержден заместителем наркома цветной металлургии. Вернулся из Москвы в Запорожье, чтобы сдавать Днепропетровский алюминиевый завод новому директору. Но пришлось под артиллерийским огнем эвакуировать его на Урал... В первые месяцы войны мы потеряли три завода, самые большие: Днепропетровский, Волховский и в Кандалакше. Всего до войны мы выпускали всеми заводами 100 тысяч тонн алюминия, из них 60 тысяч - мой завод на Днестре, остальные - максимум по 30 тысяч тонн. Уже много лет спустя я прочитал у Яковлева, что они в первый год войны выпустили 20 тысяч самолетов. Я подумал: а где он брал алюминий? Чёрт дал? Оказывается, Сталин до войны никому алюминия не давал, а всё складировалось в мобилизационные резервы. И вот за счёт этого и выпустили самолеты".

Широко распространено мнение, что российское руководство унаследовало от СССР разоренную страну. Чаще всего при этом делаются ссылки на советские пустые прилавки и полное истощение государственных золотовалютных запасов, которые, по словам Гайдара, к моменту его прихода к власти составляли всего 55 млн. долларов. Естественно, что если использовать для оценки состояния экономики только эти два показателя, то нынешнее товарное изобилие и внушительные валютные резервы (15 миллиардов долларов в июне 1998 г. и 23 миллиарда осенью прошлого года) выгодно контрастируют с ситуацией конца 1991 г.

Однако, стоит лишь сравнить материальные, а не финансовые ресурсы, которыми располагала Россия тогда и сегодня, как эти сравнения утрачивают свою убедительность.

В действительности Россия получила от СССР в наследство огромные богатства, не просто недра, леса, черноземы, заводы, научные центры и т.д. – то есть то, что люди обычно имеют ввиду, говоря о России как о стране богатой, – а вполне ликвидные материальные ценности, которые при определенных знаниях и усилиях можно было превратить и в иностранную валюту, и в потребительские товары. Не все еще осознали, что именно за счёт этого наследства, а вовсе не благодаря "высвобожденной энергии рынка", появились и валютные запасы государства, и полные прилавки, и многомиллиардные суммы на банковских счетах "но-

вых русских", и даже несколько десятков миллиардов долларов в чулках и матрацах простых россиян.

К сожалению, мало кто отдает себе отчет и в том, что всё это стало лишь следствием стихийного вовлечения в рыночный оборот ресурсов, накопленных СССР за полвека интенсивной подготовки экономики к войне.

Основной целью уникальной советской системы мобилизационной подготовки экономики являлось максимально возможное накопление материальных ресурсов на случай мировой войны.

Такое накопление производилось самыми различными способами.

Наиболее известным из них было создание так называемых государственных резервов в виде запасов продовольствия, медикаментов, топлива, металлов, лесоматериалов, оборудования, железнодорожных рельсов и подвижного состава и т.д. Хранились эти запасы на нескольких тысячах специальных складов, рассредоточенных по всей территории СССР и находившихся под жестким государственным контролем, для чего существовало особое правительственное ведомство в ранге министерства (Госкомрезерв). Находившиеся в распоряжении Госкомрезерва запасы предназначались не только для войны, но и для использования в различных чрезвычайных ситуациях (стихийные бедствия, суровые зимы, неурожай и т.д.).

Вторым способом накопления резервов для войны было создание собственно мобилизационных запасов (сырья, оборудования, комплектующих изделий), предназначавшихся исключительно для производства конкретных образцов вооружения в случае мобилизации. Хранились они, как правило, на тех же предприятиях, на которых планировалось развертывание производства той или иной системы оружия в случае войны.

Эти запасы должны были обеспечивать производство запланированного количества вооружения в начальный период войны (3-4 месяца в соответствии с существовавшими в последние годы существования СССР мобпланами). Предполагалось, что за это

время остальная экономика успеет полностью перейти на военные рельсы.

Так как мобпланы были огромны и предусматривали выпуск в первый же год мобилизации десятков тысяч танков, самолетов, многих миллионов тонн боеприпасов и т.д., то естественно, что и объемы запасов, закладывавшихся для обеспечения мобилизационного развертывания промышленности, им соответствовали.

Мобилизационные запасы рассчитывались, естественно, не в денежном выражении, а в физических величинах (тоннах, штуках и т.д.). Тем не менее на основе оценок заложенных в советских мобпланах показателей производства можно подсчитать, что речь шла о запасах стоимостью в десятки миллиардов долларов.

Собственные, то есть не входящие в общегосударственные, мобилизационные (неприкосновенные) запасы продовольствия, обмундирования, медикаментов, ГСМ и т.д. имело и Минобороны, а также ряд других ведомств.

Еще одним, полуофициальным, а часто и просто неофициальным способом накопления материальных резервов в экономике было создание директорами промышленных предприятий собственных, неучтенных государством запасов сырья, топлива, инструмента и т.д. на "черный день". В советской экономике дефицитов с её постоянно подстегиваемой сверху гонкой за ростом производства практически единственным способом выживания руководителя предприятия было максимально возможное сокрытие или преуменьшение собственных резервов, будь то запасы топлива, материалов, оборудования или излишки производственных мощностей и рабочей силы.

Подлинными объемами накопленного промышленностью таким образом "подкожного жира" стали заметны только в начале 90-х годов, когда невероятное количество неизвестно откуда взявшихся черных и цветных металлов, удобрений и прочего хлынуло из СНГ на мировые рынки соответствующих товаров, буквально обрушив их.

Так, цены на алюминий на Лондонской бирже металлов из-за постсоветского экспорта рухнули с 4 280 долларов за тонну в 1988 г. до 1 037 долларов в начале 90-х годов.

Однако основные мобилизационные ресурсы СССР состояли все же не из государственных, мобилизационных и прочих запасов, а из мобилизационных производственных мощностей, созданных как на самих оборонных предприятиях, так и в особенности в сырьевых и базовых отраслях промышленности. Несмотря на то, что "оборонка" всегда имела приоритет в отношении доступа к людским и материальным ресурсам, основные трудовые и материальные затраты страны шли все же не на "оборонку", а на развитие базовых отраслей и сырьевого сектора. Так, предприятия металлургии (черной и цветной) потребляли в СССР и потребляют в настоящее время свыше 25% объема добычи угля и 25% производимого электричества. Кроме того, на их долю приходится 30% грузовых железнодорожных перевозок. Даже сейчас, в период глубочайшего промышленного упадка, Россия по производству стали занимает четвертое, а по алюминию – второе (после США) место в мире. Титана, из которого в СССР традиционно делали корпуса подводных лодок, шпангоуты и лонжероны боевых самолетов, лопасти турбин и т.д., Советский Союз производил больше, чем весь мир (США, Англия, Япония, Китай). В настоящее время один только Березниковский комбинат выпускает пятую часть мирового титана.

Нетрудно понять, что ни текущее военное производство, ни гражданские отрасли промышленности не были в состоянии эффективно использовать такое огромное количество первичных ресурсов. Избыточные с точки зрения потребностей мирового времени мощности искусственно поддерживались в "теплом" состоянии прежде всего в интересах обеспечения мобилизационной готовности промышленности, так как многие технологии производства (выплавка алюминия, стали, производство кокса) требуют поддержания непрерывного производственного цикла.

В сущности и ТЭК, и металлургия, и большинство других базовых отраслей были через систему мобподготовки точно также ориентированы на потребности войны, как и специализированные предприятия военной промышленности, входившие в 9 оборон-

ных министерств и в общем-то неправомерно узурпировавших термин ВПК.

На самом деле топливно-энергетический и металлургический комплексы с полным основанием могут быть названы ВПК № 2. При этом ВПК № 2 был много мощнее собственно оборонных отраслей (назовем их ВПК № 1) и по числу занятых и особенно по количеству материальных ресурсов, которыми он располагал. Это сразу же стало очевидным после распада СССР, когда соотношение сил между ВПК № 1 и ВПК № 2 быстро и решающим образом изменилось в пользу последнего.

Разумеется, созданная в СССР система экономики была чудовищно расточительной и неэффективной, если смотреть на нее с точки зрения участия СССР в международном разделении труда.

По оценке британского журнала "Экономист", если бы вся нефть, природный газ, золото, черные и цветные металлы, добытые и произведенные в России в 1992 г., были реализованы по мировым ценам, то это принесло бы российской экономике 110 млрд. долларов. По обменному курсу первой половины 1992 г. эта сумма была эквивалентна 27 трлн. рублей, в то время как весь российский ВПК в 1992 г. был равен всего 15 трлн. рублей. Таким образом получалось, что по стоимости полученные в 1992 г. в России топливо, металлы и сырье вдвое превосходили все товары и услуги, произведенные в стране.

Учитывая, что всё добытое сырье входит в ВВП, такой результат мог получиться только в том случае, если обрабатывающая промышленность и сфера услуг просто расточительно поглощают ресурсы, не добавляя к ним никакой прибавочной стоимости. Отсюда напрашивался вывод о том, что деиндустриализация России резко улучшит её экономическое положение и благосостояние населения.

Конечно, подобные расчеты были некорректны. Стоимость российского сырья можно было легко оценить, так как на него существуют мировые цены, в то время как остальная российская продукция такой оценке не поддается. Однако в начале 90-х годов только ленивый не говорил о затратном характере советской

экономики, которая просто переводила сырье на выпуск низкокачественной продукции. В подобной атмосфере нетрудно было прийти к убеждению, что экспорт сырья представляет собой более эффективный способ его применения, чем использование внутри страны.

Не удивительно, что либералы-реформаторы широко открыли ворота для вывоза сырья, выпустив тем самым "сырьевого джина" из бутылки.

В течение всего нескольких лет ландшафт российской экономики радикально изменился.

Вот как хотя и драматично, но весьма точно описывает происшедшие изменения обозреватель "Финансовых известий" и эксперт Ассоциации российских банков Лев Макаревич: "Сырьевой капитал утвердился на месте военно-промышленного комплекса как абсолютный хозяин страны. Кремль и Белый дом были использованы в качестве тарана, чтобы сломать влияние ВПК, который оттеснен на положение политического и хозяйственного маргинала, что наглядно демонстрируют его финансовое положение, показательные должностные экзекуции. Отныне сырьевики формируют идеологию и кадры администрации президента, правительства, крупнейших фракций в Государственной Думе, Совета Федерации, органов управления во многих ведомствах и регионах.

Взяв власть, сырьевики переподчинили себе бюджетный, налоговый, кредитно-денежный (включая валютный), инвестиционный, внешнеэкономический, таможенный и другие хозяйственные механизмы. На них "завязаны" все финансовые и материальные потоки, работают ведущие банки, приносящие СКВ производства, а также весь экспортный ВПК, фондовые и страховые структуры. Сырьевой капитал создал собственную параллельную экономику, денежную систему в виде нефтяных, газовых, энергетических, металлических, лесных, нефтехимических, целлюлозно-бумажных долларов, а также денежных суррогатов в форме долговых обязательств, бартера, дебиторской задолженности, прочих договорных дензнаков. Их вал приближается по объему к ВВП (2,5 квадриллиона рублей). Для сравнения: официальная рублевая масса (М 2) составила в мае 1997 г. 328,4 трлн. руб.

Сырьевая элита имеет свои руководящие структуры, публичных и теневых лидеров, разведывательные, правоохранительные и судебные органы (с большой примесью криминала), региональную и внешнюю политику с собственными зарубежными связями независимо от официальных. И хотя внутри сырьевой касты идет постоянная война за передел собственности и контроль над финансовыми ресурсами, в которой активно участвуют Кремль, Белый дом, субъекты Федерации, банки, СМИ и др., вовне сырьевой капитал выступает как единая правящая "номенклатура".

Фактически все созданные с 1991 г. атрибуты рыночной экономики в России – биржи, банки, конвертируемый рубль, либеральный внешнеторговый режим и т.д. – служили одной цели – превращению российских сырьевых ресурсов в деньги. И надо сказать, что цель эта была достигнута с поразительным успехом, превзошедшим самые смелые ожидания реформаторов.

Огромная разница между мировыми и внутренними ценами на сырье не была секретом ни для политиков, ни для хозяйственников и в советские времена, в немалой степени стимулируя дезинтеграционные тенденции внутри страны, особенно со стороны республик, богатых природными ресурсами.

Н.Назарбаев на 4-м съезде народных депутатов СССР в декабре 1990 г. жаловался, что Министерство внешних сношений СССР закупает в Казахстане медь по 1 500 рублей за тонну, а продает за границу по 3 500 долларов, хромовую руду соответственно покупает по 27 рублей за тонну, а экспортирует за 150 долларов. "Теперь", - многозначительно добавил Назарбаев, - мы всё это знаем".

Многие умные люди узнали это значительно раньше Назарбаева. Так, в 1989 г. сотрудники КГБ задержали в Чопе эшелон, в котором, согласно документам, кооператив "Шелепиха" экспортировал металлолом в Италию. На деле на железнодорожных платформах оказались новенькие, с заводскими бирками, медные трубы. Трубы были закуплены кооперативом в качестве металлолома у одного из московских заводов по цене 190 рублей за тонну. А в Италию кооператив поставлял их уже по 3 000 долларов за тонну. Но самое интересное заключалось в том, что отправлялся этот "металлолом" в адрес итальянской фирмы, про-

изводившей эти же самые трубы и поставлявшей их в СССР за валюту.

Нетрудно представить себе, что произошло в российской экономике, когда после либерализации внешней торговли правительством Гайдара стало возможным вполне законно осуществлять продажу по ценам мирового рынка сырья, купленного по ценам внутреннего рынка и за рубли. Ведь прибыли от таких сделок, достигавшие десятков тысяч процентов, никогда не снились даже наркодельцам.

При таком уровне прибылей вряд ли стоит удивляться, что "всемогущий" директорат оборонных предприятий, столь резко и открыто выступавший против робких попыток М.Горбачева сократить военные расходы, фактически безропотно принял и драконовское сокращение Гайдаром военных закупок в 1992 г., и последующие неплатежи Минобороны за оборонный заказ. Ибо, после роспуска ВПК и КПСС, руководство "оборонки" на местах получило полное и бесконтрольное право распоряжаться своими неликвидами, квотами на получение стратегического сырья для выполнения госзаказа и т.д.

Например, уже в 1991 г. один авиазавод, который занимался сборкой боевых самолетов СУ-25, продал на Запад свои алюминиевые квоты. В то время тонна алюминия стоила на внутреннем рынке 1 500 *рублей*, а на внешнем – 1 500 *долларов*. То есть прибыль по тем временам составляла 10 000%.

Правда, понять из официальной статистики, за счет чего это произошло, невозможно. Так, общий объем российского (без СНГ) экспорта в 1996 г. остался на уровне 1990 г., а импорт из стран вне СНГ сократился за тот же период вдвое, в результате чего общее сальдо внешней торговли вместо отрицательного (-10,2 млрд. долларов) в 1990 г. стало положительным (+26,8 млрд. долларов) в 1996 г.

В то же время ряд абсолютных показателей российского экспорта дает представление о фантастическом росте вывоза из России сырья и различных материалов, особенно металлов.

Так, экспорт черных металлов из России за пределы СНГ вырос в течение 1991-96 гг. в шесть раз, с 4 млн. тонн в 1991 г. до 26 млн. тонн в 1996 г., в то время как за тот же период производство черных металлов (см. таблицу 1) сократилось почти вдвое, а их внутреннее потребление – вчетверо.

Таблица 1. Производство чугуна/стали в 1990-1995 гг.
(в млн. тонн)

1990	1991	1992	1993	1994	1995
59 / 90	49 / 77	46 / 67	41 / 58	36 / 49	40 / 51

По данным Госкомстата, экспорт черных металлов достиг в 1993 г. 4, 47 млрд. долларов, в 1994 г. – 5,15 млрд. и в 1995 г. – 6,32 млрд. долларов. В 1995 г. российские металлургические предприятия поставили за рубеж 420 тыс. тонн труб, 8,9 млн. тонн листового и 5,9 млн. тонн сортового проката, 10 млн. тонн заготовок.

В то же время внутреннее потребление стали упало с 440 кг на душу населения в 1988 г. до 140 кг в 1993 г. (душевой уровень потребления Португалии) по сравнению с 600 кг в Японии и 350 кг в США.

Некоторые отрасли металлургии стали почти полностью работать на экспорт. Показательна в этом отношении алюминиевая

промышленность – единственная отрасль в России, сумевшая за годы реформ не только сохранить, но и увеличить объемы своего

производства (см. таблицы 2, 3, 4).

Таблица 2. Выплавка первичного алюминия в России
(тыс. тонн)

1991*	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998**
2732	2728	2818	2668	2790	2874	2885	2893

* Во всех странах СНГ в 1991 г. было выплавлено 3248 тыс. тонн

** Прогноз

Таблица 3. Экспорт российского алюминия
(тыс. тонн)

1990*	1991*	1992*	1993	1994	1995	1996	1997	1998**
300	935	1490	2147	2186	2230	2450	2455	2470

* Все страны СНГ

** Прогноз

Таблица 4. Потребление алюминия российской промышленностью
(тыс. тонн)

1990	1991	1992	1993	1994	1995
2031	1697	1085	675	419	355

Таким образом, экспорт алюминия из России увеличился по сравнению с 1990 г. почти в 10 раз и составлял в последние годы 3 - 3,5 млрд. долларов в год.

В целом же официальная валютная выручка от металлургического экспорта составила в 1997 г. 17 млрд. долларов, из которых 8 млрд. пришлось на черные металлы и 9 млрд. – на цвет-

ные. В результате по экспорту металлов Россия заняла первое место в мире. Для сравнения, экспорт природного газа в 1997 г. составил 8,5 млрд. долларов.

Экспортно ориентированными стали и ряд других отраслей, в прошлом обеспечивавших прежде всего внутренние нужды. Так, в 1996 г. доля экспорта в производстве минеральных удобрений

составила 74%, целлюлозы товарной – 80%. Таким образом, если учесть внушительные поставки нефти и газа, российский экспорт приобрел сугубо сырьевой характер.

Среди экономистов и политиков появились разговоры не только о неизбежности, но и предопределенности сырьевой направленности развития экономики России. Выступая в МГУ в декабре 1996 г., Е.Гайдар заявил: "Когда я слышу, что Россия превращается в сырьевой придаток Запада, мне становится смешно: достаточно посмотреть на структуру советского экспорта, чтобы понять, что в этот придаток мы превратились уже очень давно".

Это и подобные им заявления свидетельствуют о полном незнании их авторами истории развития советской экономики и особенно её сердцевины – системы мобилизационной подготовки.

В действительности экономика СССР создавалась по принципу полной автаркии, не допуская возникновения зависимости советской экономики ни от экспорта, ни от импорта. Сырьевой экспорт из СССР стал возрастать лишь в последние два десятилетия существования СССР и был ограничен поставками нефти и газа, причем в объемах, составлявших сравнительно небольшую часть внутреннего потребления.

Что касается металлов, то они почти полностью потреблялись внутри страны. Более того, немало металлов импортировалось. Так, в 1988 г. СССР импортировал 5,7 млн. тонн стали несмотря на то, что его собственные заводы выплавляли 103 млн. тонн стали, обеспечив тем самым СССР первое место в мире по производству стали. О значительном экспорте алюминия, титана и других цветных металлов не могло быть и речи, ибо все излишки их производства над внутренним потреблением направлялись в стратегические (мобилизационные) запасы.

Не была органически присуща советской экономике и зависимость от импорта. Фактически вся история советской индустриализации – это история импортозамещения, ибо советская модель военного хозяйства изначально рассчитывалась как замкнутая и самообеспечивающаяся. Сначала СССР стал полностью независим в области автомобилестроения и тракторостроения, потом тяжелого машиностроения (строительство "Уралмаша", Новокраматорского завода и других), потом приборостроения и т.д. Разбалансировка

советской экономики началась с импорта зерна Н.Хрущевым, затем экспорта нефти и газа, затем импорта продовольствия и ширпотреба и т.д. Именно с хрущевского импорта зерна началось расшатывание созданной Сталиным уникальной модели военной экономики, не рассчитанной на подобные экзогенные воздействия. В свою очередь экспортно-импортные операции с хлебом, нефтью и газом повели к бессмысленным в советских условиях рассуждениям экономистов и политиков о том, что "выгодно" производить в СССР, а что "выгоднее" закупать за границей. Результатом стало появление различных "дефицитов", регулярные послевоенные снижения цен сменились их повышением, а на смену предельно жесткой сталинской монетарной политике пришли денежная эмиссия и обесценение рубля.

Ни одна из отраслей советской экономики по определению не могла быть конкурентоспособной на мировых рынках, ибо они создавались и развивались под совершенно иные задачи. Тот же Кузбасс закладывался не для экспорта угля и стали, а для того, чтобы иметь вторую топливно-металлургическую базу, неуязвимую от налетов вражеской авиации, в то время как Подмосковский угольный бассейн с его низкокачественными углями осваивался на случай срыва поставок в Москву донецкого и воркутинского угля.

Неконкурентоспособной является даже внешне процветающая отрасль – алюминиевая промышленность, которая почти целиком (на 90%) перешла на экспорт своей продукции и не только полностью сохранила свои производственные мощности и уровень производства, но и платит исправно налоги, содержит большую социальную инфраструктуру и пользуется благодаря толлингу дешевыми оборотными средствами.

Однако вот как в действительности выглядит конкурентоспособность всех одиннадцати российских алюминиевых заводов при более внимательном рассмотрении. По оценке независимых экспертов себестоимость одной тонны алюминия в 1996 г. составляла (в долларах): Уральский алюминиевый завод (УАЗ) – 1722; Богословский (БАЗ) – 1671; Волховский (ВАЗ) – 2050; Нововоицкий (НАЗ) – 1738; Канда拉克шинский (КАЗ) – 1673; Волгоградский (ВГАЗ) – 1875; Новокузнецкий (НКАЗ) – 1922; Краснояр-

ский (КРАЗ) – 1612; Иркутский (ИРКАЗ) – 1452; Братский (БРАЗ) – 1441; Саянский (САЯЗ) – 1593.

Себестоимость рассчитывалась следующим образом (долларов за тонну):

СТАТЬИ РАСХОДОВ \ ПРЕДПРИЯТИЕ	УАЗ	БАЗ	ВАЗ	НАЗ	КАЗ	ВГАЗ	НКАЗ	КРАЗ	ИРКАЗ	БРАЗ	САЯЗ
Глинозем (включая транспортные расходы)	469	469	516	501	495	530	551	559	576	563	559
Электричество	518	522	780	502	462	686	460	315	131	126	295
Зарплата (включая социальные расходы)	147	86	200	161	140	82	305	129	121	132	127
Материалы (анодная масса, криолит и т.д.)	450	450	450	450	450	450	450	450	450	450	450
Расходы на маркетинг	119	125	85	105	107	107	136	140	154	149	142
Выплата процентов за оборотные средства	18	18	19	19	20	20	20	20	21	20	20
ВСЕГО	1722	1671	2050	1738	1673	1875	1922	1612	1452	1441	1593

Учитывая, что в начале июня 1998 г. цена алюминия на Лондонской бирже металла составляла около 1330 долларов за тонну, это означает, что на всех без исключения российских алюминиевых заводах производство является убыточным и на каждой выплавленной тонне заводы теряют от 110 (Братский завод) до 720 долларов (Волховский завод) за тонну.

Такое положение вполне объяснимо, учитывая историю советской алюминиевой промышленности. "Крылатый металл" был нужен СССР для войны, а не для завоевания мировых рынков. Его себестоимость никогда не имела определяющего значения при принятии решения о начале строительства того или иного завода. Даже размещение Красноярского, Иркутского и Саянского заводов вблизи крупнейших ГЭС определялось не столько дешевой их электроэнергией, сколько ее огромным количеством, позволявшим резко нарастить выплавку металла.

При этом вся алюминиевая промышленность закладывалась с таким расчетом, чтобы исключить ее зависимость от импорта сырья, несмотря на то, что отечественное сырье было исключительно низкого качества.

Фактически то, что в Советском Союзе называли онежскими или тихвинскими бокситами, во всем мире именуют просто глиной, хотя и бокситосодержащей. К тому же даже эти низкокачественные бокситы (в северной Онеге, Тихвине, на Урале) имелись в ограниченном количестве, вынуждая использовать для получения глинозема нефелиновые сиениты, получаемые попутно со стройматериалами. Даже сейчас, при растущем импорте высококачественных бокситов из Гвинеи, Австралии и других стран, из нефелина производится одна треть отечественного глинозема (около 600 тыс. тонн), хотя получение тонны глинозема из нефелина

требует вдвое больших затрат электроэнергии, чем при использовании бокситов.

Ясно, что просто отказаться от собственного низкокачественного сырья алюминиевая промышленность не может, ибо за истекшие годы вокруг рудных месторождений выросли целые города со всеми вытекающими отсюда социальными проблемами, знакомыми по выступлениям угольщиков.

Разумеется, богатые природные ресурсы могут и должны использоваться в мировом разделении труда в интересах России и на благо ее населения. Однако осваиваться они должны не так, как раньше, в интересах наращивания военного потенциала, а с самого начала ориентироваться на приносящий прибыль экспорт.

А пока этого не произошло, следует отдавать себе отчет в том, что практически с каждой вывезенной тонной сырья Россия как страна становится беднее. Решать же проблемы гипертрофированно развитых мощностей топливно-энергетического и металлургического комплексов надо в рамках демонтажа старой, структурно милитаризованной экономики, совершенно непригодной для участия в мировом разделении труда.

Не может стать рыночной экономика, эффективность которой на протяжении почти столетия измерялась исключительно ее ответственностью военно-политическим приоритетам и где под эти приоритеты подгонялись и вся структура промышленности, и наука, и структура распределения.

Покойный Михаил Малей, бывший зампред Совмина РСФСР, первый глава Госкомимущества и впоследствии советник президента Ельцина по вопросам конверсии был, пожалуй, единственным российским действующим политиком, который осознавал и сложность демилитаризации российской экономики, и безнадежность ее осуществления с теми людьми, которые оказались у руля российской политики. В одном из своих интервью в 1993 г. он облегчил свою душу следующим словами: "Теперь в Кремль пришли делать политику люди вроде бывшего начальника ОТК из

Мурманска. Я трезво оцениваю свои возможности и не хочу быть президентом России, тем более чем больше здесь сижу, тем больше понимаю, что ни ума, ни опыта, ни знаний не хватает, чтобы быть даже премьером. Вот Черномырдин гениальный человек – кроме дырок в земле, никогда ничего не делал, а взялся за такую страну, как Россия, и глазом не моргнул".

Нашлись у М.Малея "добрые" слова и для президента Ельцина: "Будучи членом Политбюро, секретарем Свердловского обкома, Борис Николаевич понятия не имел, каким государством управляет. Он не знает много из того, что у нас уже есть, что не надо строить, потому что уже построено. Что у нас есть аэродромы, покрытые метром земли, где растет овес, но через 2 дня их можно сделать стратегическими. У нас есть пещеры размером с многоэтажное здание, где можно хоть сейчас ставить атомные подземные станции, не тратя ровным счетом ничего. Президент много не знает".

Попытки радикально изменить такое государство и такую экологию путем "высвобождения энергии рынка" и ее стихийного включения в чуждый для нее мир глобального свободного рынка могут оказаться еще более неэффективными, чем стремление сохранить старую командно-административную систему. Пора признать, что был ошибочен сам стратегический замысел российских реформ. Нельзя было пытаться перестраивать путем рынка такую сложную и уникальную систему, которой была советская милитаризованная экономика. Ее надо было сначала структурно демилитаризовать административным путем, мобилизуя для этого всю мощь государства, и лишь затем уже форсированно переходить к рынку. Одним словом, демилитаризация утром, рынок вечером. И, возможно самое главное, для демонтажа советской военной машины нужно было привлечь людей, которые понимают или хотя бы стремятся понять, как она функционирует. Ведь никто же не доверит разборку ядерного боеприпаса специалисту по политэкономии социализма, "крепкому хозяйственнику" или опытному партийному функционеру.